

NOMINALIZATION AS THE
CATEGORY OF THE LITERARY AND
WRITTEN LANGUAGE
(TO THE QUESTION OF NATIONAL AND
CULTURAL SPECIFICITY
OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY
IN RUSSIAN)

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan

In the report the author considers issues of the semantic and syntactic organization of the literary and written language. Nominalization is usually considered as a kind of common-language process of elimination of the subject-agent by means of transformation of a predicative design into the nominal one; it serves as a mechanism of updating of a fact-forming component in the discursive activity of the speaker. The author substantiates the statement that it isn't linguistically reasonable to see the manifestation of any special Russian mentality in elimination of the subject-agent.

Keywords: literary and written language, nominalization, discourse, agent, pro-position, impersonality, event.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

НОМИНАЛИЗАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ
КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
(К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казакский национальный университет им. аль-Фараби,
Казakhstan

В статье рассматриваются вопросы семантико-синтаксической организации книжно-письменной речи. Номинализация, рассматриваемая обычно как разновидность общеязыкового процесса устранения субъекта-агенса с помощью преобразования предикативной конструкции в именную, служит средством актуализации фактообразующего компонента в дискурсивной деятельности говорящего. Обосновывается положение о том, что видеть в устранении субъекта-агенса проявление особой русской ментальности нет собственно лингвистических оснований.

Ключевые слова: книжно-письменная речь, номинализация, дискурс, агенс, пропозиция, безличность, событие.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1282>

В лингвистических исследованиях, посвященных проблеме языковой концептуализации действительности, особое внимание уделяется идиоэтническому характеру организации языковой картины мира и проявлению в ней особенностей духовной культуры того или иного народа. В частности, по отношению к русскому языку отмечается такая характерная для его синтаксического строя черта, как устранение субъекта в безличных предложениях разных типов, вытеснение личных предложений безличными, активизация процесса редуцирования или элиминирования субъекта-агенса с помощью номинализации личной (активной) синтаксической конструкции. Кроме того, из этого явления как сугубо русского языкового феномена делались выводы о конституирующих признаках определенного дискурса. Так, Ю.С. Степанов вслед за П. Серно [12] считает наиболее яркой особенностью так называемого советского политического дискурса стремление к устранению субъекта с помощью номинализации, вследствие чего использование различных типов безличных предложений приобретает гипертрофированные формы: «Семантическим итогом таких бесчисленных

номинализаций, т.е. замены личных форм глаголов их производными на *-ание, -ение, -ация* и т.п. является и с ч е з н о в е н и е с у б ъ е к т а, а г е н с а т о г о, о ч е м г о в о р и т с я. Все процессы приобретают безличный облик, хотя и не схожий с тем, который имеет «классическая» безличность в русском языке (например, *Меня так и осенило; Его будто бы ударило* и т.п.). А после того как субъект устранен, возможны дальнейшие, уже чисто идеологические манипуляции с именованными сущностями» [9: 40] (см. также работу [10]).

Анна Вежбицкая, не связывая устранение субъекта с определенным типом дискурса, считает его идиоэтнической чертой русского языка и русской ментальности в целом: «Из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологическому пути. Синтаксически это проявляется в колоссальной (и все возрастающей) роли, которую играют в этом языке так называемые безличные предложения разных типов. Это бессубъектные (или, по крайней мере, не содержащие субъекта в именительном падеже) предложения, главный глагол которых принимает «безличную»

форму среднего рода. Как указывал Яринцов, «безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления» [3: 73]/ И далее: «...Это дает все основания думать, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечали особой ориентации русского семантического универсума и, в конечном счете, русской культуры» [2: 75] (см. также работу [3])

Однако эти два приведенных подхода к определению роли безличности и номинализации как его разновидности, а также и к самому процессу устранения субъекта (точнее, агенса) в дискурсивной деятельности и в речевом мышлении носителей русского языка без уточнения исходных понятий и фундаментальных концептуальных положений, прежде всего лингвистических основ теории дискурса и анализа дискурса (см., в частности, работы [5], [6], [8], [11]), не могут быть признаны абсолютно бесспорными и претендовать на единственно возможное толкование рассматриваемого явления русского дискурса. В первую очередь необходимо установить статус номинализаций как особых еди-

ниц, природу и место их в общей системе русского языка.

Номинализация в лингвистической литературе обычно рассматривается и как процесс внутриязыкового преобразования предложения-высказывания в имя или в именную группу, и как результат этого процесса. В последнем случае имя-номинализация выступает в качестве одного из средств репрезентации пропозиции или пропозитивного значения как особого типа языковой семантики, а именно, событийной семантики. Номинализация как слово входит, следовательно, в разряд пропозитивной лексики вместе с глагольным (предикатным) словом. Природа пропозитивного слова (и номинализаций в том числе) связана с его событийной семантикой, и она принципиально отлична от природы слов предметных и признаковых, поскольку все эти виды слов передают разные типы концептов (понятий) и связанные с ними разные типы лексических значений.

Номинализации, как и любое пропозитивное имя, в структурно-смысловой организации предложения и дискурса выполняют и нетипичные для канонических существительных функции, на что обращалось внимание многими лингвистами (см., в частности. [2: 246]. Существительные-номинализации, у которых категориальный статус определяется не семантически, а синтаксически (по выражению А. Вежбицкой, «синтаксическая существительность»), употребляются в книжно-письменном дискурсе русского языка как имена пропозиций, а не как имена предметов в лингвистическом смысле. Об этом свидетельствует типичная для номинализаций сочетаемость со словами, обозначаемыми фазовость и стадильность процесса, а также динамические изменения в происходящих событиях, например: *Кошачье пение между тем шло crescendo. К певцам присоединились, по-видимому, новые певцы, новые силы, и новый шорох внизу под окном постепенно обращался в шум, гвалт, возню...* (А. Чехов). См. также: *переговоры начались, по окончании разговора, во время полета, стрельба на время затихла и т.п.* (ср.: **Стол начался, *По оконча-*

нии ручки, *Во время лампы и т.п.). Подобная валентность номинализаций и всех пропозитивных слов обусловлена системонаследованными от предиката (в частности, от глагола) свойствами.

О том, что номинализации являются предикатными именами, свидетельствует также использование их в составе так называемых аналитических (описательных) предикатов: *оказать помощь, произвести обыск, сделать замечание, вынести приговор, проводить расследование* и др. В большинстве случаев они имеют синонимичный глагол: *принимать участие - участвовать, проводить анализ - анализировать, вынести приговор - приговорить* и др. Не случайно, в традиционной (нормативной) грамматике сказуемые, выраженные аналитическим предикатом, относят к разновидности простого глагольного сказуемого. Номинализации в составе аналитического предиката, давая имя пропозиции, создают возможность для использования их в качестве фактообразующего компонента книжного дискурса, в результате чего пропозитивное имя начинает выполнять синтаксическую функцию, свойственную существительному вообще, в частности, функцию подлежащего, дополнения: *Они оказали помощь - Всего лучше, однако ж, если бы всякая помощь производилась чрез руки опытных и умных священников* (Н.В. Гоголь). *После этого они часто и продолжительно обсуждали в телефонных разговорах будущее мероприятие и занимались его подготовкой в своих странах* (из газет). Однако во всех синтаксических позициях номинализации сами по себе не устраняют субъекта действия из дискурса, более того, они расширяют сферу синтаксических и лексических средств репрезентации субъекта-агенса с помощью генетивной конструкции, дательного субъекта и других падежных форм, а также собственно лексических средств, как можно заметить в следующем примере: *Скажем, есть сведения, что приволжский полпред активно продвигает своих людей в федеральные структуры, готовя почву для собственного ухода с регионального уровня, который ему явно тесен* (из га-

зет). Номинализация, таким образом, - это не процесс устранения субъекта («исчезновения субъекта, агенса»), а способ и средство модификации событийного содержания и его актуализации в дискурсивной деятельности с целью реализации интенции говорящего и соблюдения требований жанрово-стилистической однородности текста. Тексты книжно-письменного дискурса отличаются тем, что событийный ряд в них выстраивается не по принципу простого суммирования предложений-пропозиций в порядке их естественного (объективизированного) течения и развертывания, т.е. не по принципу синтаксической иконичности, а по схеме включения одного события в состав другого (принцип телескопичности). Такой характер соединения пропозиций является наиболее яркой особенностью книжно-письменного дискурса русского языка (и не только русского, но и всех языков, близких к нему не столько в генетическом отношении, сколько в историко-культурном становлении и развитии). Нанизывание (телескопирование) номинализаций наблюдается в книжно-письменных текстах любых жанрово-тематических разновидностей, и оно характеризует не только сегодняшний политический дискурс, но и дискурс всего периода, который принято обозначать термином «современный русский литературный язык»: *Замечание, будто власть церкви оттого у нас слаба, что наше духовенство мало имеет светскости и ловкости обращения в обществе, есть такая нелепость, как и утверждение, будто духовенство у нас вовсе отстранено от всякого прикосновения с жизнью уставами нашей церкви и связано в своих действиях правительством. Духовенству нашему указаны законные и точные границы в его соприкосновениях со светом и людьми* (Н.В. Гоголь. Несколько слов о нашей церкви и духовенстве). *У нас в России в эпоху преобразования, т.е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом месте. По указанным выше неблагоприятным условиям у нас экономическое развитие было задержано; но движение государственной и народной жизни не ос-*

танавливалось, ибо все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода (С.М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом). Решение об отмене большого международного турне президент принял в первые часы после известия о захвате заложников... По соображениям безопасности информацию о том, что на саммит в Мексику вместо главы государства вылетает премьер-министр, выдали в последний момент. В Лос-Кабосе понижению статуса российского представительства отнеслись с пониманием (из газет).

Эти и им подобные примеры использования номинализаций говорят о том, что широкое употребление их в книжно-письменной речи не является отличительной чертой политического дискурса и тем более особой русской ментальности. Более того, видимо, возможно говорить о номинализации как общезыковом явлении, которое присуще дискурсивной деятельности в целом. По наблюдениям историков русского языка, процесс устранения субъекта с помощью номинализации был свойствен и для древнерусского языка, и в период становления русского национального языка. Так, Ф.И. Буслаев, говоря о “сокращении предложения в форме существительного имени” (т.е. по сути дела о номинализации), считал, что образование отглагольного существительного, с помощью которого сокращается предложение, является одной из важнейших особенностей русского языка “как древнего, народного, так и позднейшего, письменного” [1: 317]. Этот процесс “сокращения предложения в существительное” происходил и в последующие периоды истории русского языка, и он широко использовался в литературном книжно-письменном языке: «Существительные, происшедшие от сказуемого, весьма часто используются писателями для сокращения придаточного предложения; например, у Пушкина “под предлогом разлития рек” (= что разлились реки); “чувствуя бесполезность заступления” (= что заступление бесполезно). Это сочетание слов, весьма

удобное для выражения отвлеченных понятий в современном языке, не чуждо и древнему...: потому что состоит в теснейшей связи с переходом сказуемого в народные формы...» [1: 318]. По Ф.И. Буслаеву, таким образом, номинализация как процесс устранения подлежащего (“сокращение предложения в форме существительного”) предполагает историческую первичность глагольных предложений, из которых произошли номинализации-существительные.

Номинализацию можно трактовать как изменение взгляда на субъект-агенса действия в процессе исторического развития мышления и языка как проявления духа народа. В данном случае происходит изменение статуса агенса и его актуализация в разных коммуникативно-прагматических условиях. В именах действия, т.е. в номинализациях, выступающих в функции подлежащего, актуализируется именно “мифический” (по выражению А.А. Потебни [7:347]) агенса, в конструкциях с глаголом или прилагательным агенсом выступает сам основной “действитель” того или иного события (пример А.А. Потебни: *я согрешил, я грешен, грех мой*). Однако ни в первом, ни во втором случае нельзя говорить о “бессубъектности” или “безличности”, и, следовательно, нет оснований номинализацию считать процессом устранения субъекта-агенса. В разных типах синтаксических конструкций лишь изменяется его ранг в зависимости от коммуникативных задач.

Номинализация присуща книжно-письменному дискурсу русского языка в целом. Эта особенность проявляется также в случаях нарушения норм дискурсивной адекватности, когда, к примеру, в устно-разговорной речи неоправданно употребляются книжно-письменные номинализации. Так, комендант общежития в беседе с радиожурналистом говорит: *В связи с отсутствием финансирования проведение работ по ремонту отопительной системы не было доведено до завершения*. Вместе с тем здесь необходимо видеть не только нарушение стилистических норм, но и стремление говорящего соблюсти правила кажущегося ему грамотной

речи. Подобная гиперкнижность устной речи может быть объяснена также желанием говорящего придать своим высказываниям черты, присущие наиболее “престижному” типу дискурса, каковым иногда представляется именно книжно-письменный дискурс. Все это можно отнести к проявлению того явления, которое принято называть «порча языка», «падение речевой культуры». К этому явлению следует относить не только такие процессы, как вульгаризация, криминализация, жаргонизация русского языка наших дней, но и влияние книжно-письменной речи на разговорную речь. Этот процесс можно объяснить интенсификацией в современном мире оборота информации под влиянием новых средств коммуникации (Интернет-общение, использование компьютеров и разного рода гаджетов и т.п.), которые привели к обратному процессу влияния книжно-письменной речи на устную, разговорную.

Как массовое проявление «нелитературности» речи рассматривает Г.А. Золотова явления, которые иногда называют порчей языка: «Сниженных слов и неправильных форм в высказывании может не быть, но нарушенные структурно-смысловые связи между его частями делают речь «недолитературной». За несколько десятилетий сформировались поколения людей, получивших среднее и высшее образование и потому не игнорирующих явно грамматические правила, но говорящих обедненным языком, автоматически соединяя, иногда и невольно, клише и штампы среды обитания и притяжения; для одних – это разные молодежные группировки, для других – партийно-общественные круги, для третьих – профессионально-деловые, военные, спортивные. Не различая коммуникативно-обязательные и стилистически значимые элементы языка, такие люди охотнее пользуются чужими стереотипами образчиков как единственно возможными средствами выражения. Вот несколько образчиков такой речи публично говорящих и пишущих людей (телевидение, газеты): ...Применение этого мероприятия...; Мы обговариваем вопрос организации работ по разработке...» [4: 17-18]. Как можно заметить, эти речевые

«стереотипы» базируются на использовании номинализаций.

Номинализация как семанто-синтаксический процесс - явление, обусловленное не стремлением к устранению субъекта-агенса в высказывании, а законами организации дискурса определенного типа, в частности, книжно-письменного. В коммуникативно-прагматическом отношении номинализации дают возможность говорящему актуализировать само событие как факт. Возведение события в ранг факта как категории сознания и когниции создает впечатление об устранении субъекта, хотя на самом деле все участники события, ставшего фактом, в дискурсе не устраняются, например: *Решение суда в Калькутте, приговорившего к пожизненному заключению пятерых летчиков латвийской авиакомпании и одного британского гражданина, было довольно бурно встречено в Риге и Лондоне* (из газет) = 'То (тот факт), что суд решил заключить пятерых летчиков, было бурно встречено в...'. Подобная неполная номинализация (*то, что суд решил заключить летчиков*), служащая своего рода семантической записью по отношению к полной номинализации (*решение*), в принципе может быть применена к любому имени-номинализации. И это имя служит средством актуализации фактообразующего компонента в дискурсивной деятельности говорящего. Такая цель - фактообразование - ставится преимущественно в книжно-письменном дискурсе в отличие от других типов дискурса, в частности от разговорно-бытового, в котором преимущественно решаются задачи сугубо коммуникативного характера. Книжно-письменный дискурс, как известно, наиболее последовательно представлен в официально-деловых, газетных и научных текстах.

Таким образом, номинализация, представляемая в ряде лингвистических описаний как процесс "устранения лица (агенса)" и как разновидность безличной трансформации, в действительности подчиняется закономерностям, присущим вообще книжно-письменному дискурсу русского языка. В то же время номинализация не устраняет лицо (агенса), а акту-

ализирует событие (ситуацию), сами же участники события, в том числе и агенс, репрезентируются в дискурсе не на основе предикативной связи, а благодаря реализации валентностей существительного-номинализации. Следовательно, видеть в номинализациях и в целом в так называемых безличных предложениях русского языка свойственную, якобы, ему особую ментальность в виде склонности к пассивности и фатализму, иррациональности и неконтролируемости чувств нет глубоких собственно лингвистических оснований.

References:

1. Buslaev F.I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Sintaksis [Historical grammar of Russian: Syntax]. Issue 5. - Moskva., Editorial URSS, 2009. - 344 p.
2. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. - Moskva., Pucskie slovari [Russian languages], 1996. - 416 p.
3. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. - Moskva., Jazyki slavjanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture], 2001. - 288 p.
4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of Russian]. - Moskva., Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN [The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences], 2004. - 544 p.
5. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Bases of the theory of discourse]. - Moskva, ITDGG "Gnozis", 2003. - 280 p.
6. Marianne V., Jorgensen, Luiza Dzh. Fillips. Diskurs-analiz. Teorija i metod [Discourse analysis. Theory and method]., Translated from English. - Har'kov., Izd-vo "Gumanitarnyj Centr" ["Humanitarian Center" Publishing house], 2008. - 352 p.
7. Potebnja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on the Russian grammar]. Vol. 3., Ob izmenenii znachenija i zamenah sushhestvitel'nogo [About changes in meaning and replacements of a noun]. - Moskva., Prosveshhenie, 198. - 550 p.
8. Prohorov Ju.E. Dejstvitel'nos'. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse]. - Moskva., Flinta: Nauka [Science], 2009. - 224 p.
9. Stepanov Ju.S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti.,

Jazyk i nauka konca 20 veka [Alternative world, Discourse, Fact and the Causality principle., Language and science of the end of the 20th century]. - Moskva., Nauka [Science], 1995. - Pp. 35-73.

10. Stepanov Ju.S. Francuzskaja stilistika v sravnenii s russkoj [French stylistics in comparison with the Russian one]. - Moskva., URSS, 2009.

11. Chernjavskaja V.E. Lingvistika teksta [Text linguistics]. Lingvistika diskursa [The discourse linguistics]. - Moskva., Nauka [Science], Flinta, 2012. - 208 p.

Литература:

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Изд. 5-ое. - Москва., Едиториал УРСС, 2009. - 344 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. - Москва., Русские словари, 1996. - 416 с.
3. Вежицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. - Москва., Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - Москва., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. - 544 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.:ИТДГК «Гнозис», 2003. - 280 с.
6. Марианне В., Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод., Пер. с англ. - Харьков., Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. - 352 с.
7. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3., Об изменении значения и заменах существительного. - Москва., Просвещение, 198. - 550 с
8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. - Москва., Фланта: Наука, 2009. - 224 с.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности., Язык и наука конца 20 века. - Москва., Наука, 1995., С. 35-73.
10. Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. - Москва., URSS, 2009.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. - Москва., Наука, Фланта, 2012. - 208 с.

Information about author:

Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru